

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ХАЛЬМГ ТАНГЧ

Константин Куксин

Не ищите это название на карте, такой страны вовсе не существует. Даже ее русское название – Калмыкия – мало что говорит современному жителю России. В справочниках можно прочесть про маленькую бедную республику, где ничего не растет, потому что жарко, и где ничего не производят, потому что не из чего и некому. Так и стала Калмыкия белым пятном на российских картах...

Однако все скрытое от глаз и забытое хранит тайны, и страна Хальмг-Тангч – не исключение. Пустыня, затерянная между дельтой Волги и Дагестаном, древний народ, говорящий на монгольском языке, загадочная буддийская культура, традиции и быт кочевников...

Все это надо было увидеть своими глазами, и я организовал экспедицию, официальной целью которой было изучение буддизма на территории России, а средством передвижения был избран... велосипед, правда не обычный, а горный, способный двигаться по пескам и бездорожью. Шесть человек составили команду, и я с гордостью назову имена этих отчаянных людей:

Варя Айвазян, выпускница «Ковчега». Варя готовится поступать в художественное училище, поэтому взяла с собой кипу листочков, карандаши и на каждом привале с завидным упорством делала наброски всего сущего – нас, наших друзей, лошадей, цветов, велосипедов, велосипедных колес, и пр.пр.пр. Еще Варя фотографировала со скоростью пулемета, и к концу пути «отстреляла» пять пленок. И еще... Еще эта очаровательная девушка была просто украшением нашей компании.

Лида Апатенкова, студентка, тренер по карате. Лида вместе со мной побывала прошлым летом в Центральной Азии, но Восток не перестал ее шокировать. Лида из жалости к животным уже год не ест мяса, и вообще с состраданием относится ко всему живому. Всю дорогу мы пытались у нее этому научиться, но, похоже, безуспешно. А еще Лида умеет искренне радоваться, удивляться всему новому и необычному, и только благодаря ей я сумел многое заметить и понять.

Маша Смирнова, учитель литературы из «Ковчега». Эту хрупкую милую девушку все отговаривали ехать со мной, рассказывая различные страшные истории. Но Маша все-таки решилась, и может быть поэтому экспедиция получилась столь яркой и насыщенной – как говорится, новичкам везет... Впечатлений Маша получила столько, что другому хватит на всю жизнь – но только не ей. Когда я увидел в Москве после возвращения эту загорелую девушку с яркими голубыми глазами, то понял, что ее путешествия только начинаются.

Юра Бурзыкин, ученик 8 класса. В это, конечно, никто не верил – что такой амбал учится в школе. Но факт остается фактом – Юра был единственным школьником, хотя ростом на голову выше меня. Спокойный, обстоятельный, почти взрослый, Юра тем не менее умудрялся учиться у всех далеко не только хорошему, и временами просто копировал Дениса с его цинизмом и глупыми выражениями. Была слабая надежда, что доброму и светлому Юру научат наши очаровательные спутницы, но – увы! Безусловным кумиром юноши стал Денис Наумов...

Денис Наумов. Студент геофака. По совместительству – бармен элитного клуба. Стильно одетый, называющий себя спортсменом, Денис выделялся всем фирменным и модным, даже трусы и носки носил фирменные, а фотографировался только в наклейках от своего спонсора – фирмы BASK. Дениса ужасно раздражала грязь в любых ее проявлениях, а обо всем на свете он судил, используя циничные, но ужасно смешные выражения, которые спустя неделю переняли буквально все. На каждой стоянке, найдя бутылку, Денис принимался ею жонглировать – чтобы не пропали барменские навыки, а из припасенного спирта и остатков ужина создавал немыслимые коктейли.

Константин Куксин, учитель географии школы «Ковчег», автор этих строк. Идея путешествия по Калмыкии родилась в моей больной голове неспроста. Уже несколько лет я изучаю российский буддизм, побывал в Бурятии, где встречался с учеником Далай-Ламы. «Три жемчужины Будды» – так называется проект путешествий по трем буддийским странам – Бурятии, Калмыкии и Монголии. Две жемчужины уже подарили мне свой таинственный свет, а третья пока скрыта за снегами Алтая и выжженной солнцем пустыней Гоби... Экспедиция в Калмыкию стала последней проверкой снаряжения и команды перед летним путешествием в загадочную Монголию.

В поезде «Москва-Махачкала», которого так боялась Варина мама, действительно можно встретить представителей всех 32 народов Дагестана – поезд был битком набит, проводники нелегально везли своих родственников, друзей, сумки с товаром, народ спал на третьих полках. Мы с велосипедами смотрелись, мягко выражаясь, странно, и привлекали всеобщее внимание. Но шахматы – любимая игра Востока – помогла разрядить обстановку. Я сыграл несколько партий подряд, и вскоре мы уже фотографировались на память с нашими новыми друзьями из Махачкалы, Буйнакса, Избербаши, Дербента... Вечером я долго беседовал с Тагиром, учеником медресе. Говорили о Боге, о христианстве и исламе, и не нашли значительных противоречий между двумя великими религиями. На память Тагир подарил мне две свои настольные книги – «Пять основ Ислама» и «Исламский Шариат». Последняя особенно интересна, ведь Шариат у всех на слуху – тут и Чечня, и Афганистан, и Палестина... Я внимательно читал, перелистывая потертые страницы, и не находил тех жестокостей, о которых пишут западные и российские журналисты. Да, есть специфические особенности, подробно расписан каждый шаг жизни мусульманина, но общечеловеческие ценности остаются неизменными. Да и джихад, «священная война», уже давно воспринимается просвященными мусульманами как борьба с собственными недостатками, а не с «неверными».

Проводник, обыграв меня в шахматы, на радостях «принял лишку» и завалился спать. Поезд опаздывал на три часа, в кромешной мгле невозможно было разглядеть названия станций, и в результате мы оказались в поселке Артезиан, на границе с Дагестаном, за 50 километров от станции Улан-Хол, где планировали начать путешествие. Ночевать пришлось на пороге закрытого вокзала, а с первыми лучами солнца мы оседлали своих железных коней и поехали к видневшемуся вдаль буддийскому храму. По колесам пылила «земля калмыцкого народа» – загадочная страна Хальмг-Тангч...

Перед отъездом мне все твердили: «Ну куда ты опять собрался? Это же самая бедная республика России, нищая земля, пустыня!» Возможно, так все оно и есть. Но когда мы были в Калмыкии, пустыня цвела, несла ароматы трав и свободы, а более гостеприимного народа я не встречал еще никогда.

К нам приезжали начальники районов, рассказывая о местных достопримечательностях, милиция встречала и провожала у поселков почетным эскортом и даже сторожила наши вещи во время экскурсий, предавая на следующий пост удивительную новость: «К нам приехали гости ИЗ МОСКВЫ! На велосипедах, они интересуются нашей страной и культурой!» А еще быстрее, чем по рации, информацию о нас передавали дальнбойщики – и в каждом придорожном кафе нас ждало бесплатное угощение. Стоило попросить чаю – и уже несли полные тарелки мантов, баранины, сладостей... В первый день рыбаки угостили нас огромным сазаном, размером в полчеловека, а все чабаны считали своим долгом нарезать в нашу честь молодого барашка и устроить настоящий пир. Конечно, не обходилось без традиционных кавказских тостов и огромного количества выпивки, что довольно сильно снижало скорость передвижения. Да, я не оговорился, сказав о кавказцах – дело в том, что юг Калмыкии заселен в основном выходцами из Дагестана и Чечни – первые поселились здесь после депортации калмыков, а вторые скрываются от произвола русских военных и собственных полевых командиров.

Трое чеченцев подъехали к нам вечером на разбитом военном УАЗике и рассказали о хорошем месте для ночевки. Выбора у нас не было, и мы разбили лагерь. Конечно, сначала стало немного не по себе, когда спустя полчаса из темноты снова вынырнули фары и к костру подошли небритые подозрительные мужики. Но наши чеченцы оказались славными ребятами – просто привезли воду, которой в пустыне всегда не хватает. А потом старший, Муслим, рассказал, что живут они в Калмыкии с начала Второй войны, работы нет, только временная, но помогает родня из других городов. В Чечню возвращаться страшно – всех молодых мужчин сгоняют в концлагеря, откуда возвращаются далеко не все...

- Ну вот, в Маскве расскажэш, как с боевиками у костра сидэл! – Муслим грустно улыбается, поправляя угли веткой саксаула. – Скажи им там, что нам война нэ нужна! Сколько можна ужэ...

Я соглашаюсь, и мы долго еще говорим у медленно гаснущего огня о мире и войне, о будущем наших народов, а над головой, опрокидываясь за горизонт, мерцают огромные, бесстрастные, общие для всех звезды...

Не только чеченцы, но и все другие многочисленные народности Калмыкии относились к нам замечательно. А вот отношения между кавказцами и калмыками оставляют желать лучшего. Самые сильные позиции на юге страны – у аварцев, кумыков и даргинцев, которые действительно работают на совесть, держат много скота, придорожные кафе, автозаправки. При этом они считают калмыков лентяями и пьяницами, которые не способны прокормить себя и свою семью, что для горца – позор. Калмыки же уверены, что дагестанцы захватили у них все рабочие места и не дают развернуться национальному бизнесу.

На третий день пути нас пригласил в гости Карим Назирбеков, даргинец, один из самых влиятельных людей юга Калмыкии. Карим держит большое кафе у поселка Комсомольский, построил мечеть для дальнбойщиков с Кавказа, на нескольких фермах чабаны пасут его многочисленные стада. Но главная статья дохода – нелегальная добыча нефти и ее переработка. Карим показал нам руины своего нефтеперерабатывающего завода, который расстреляли с вертолетов спецназовцы 6 отдела ФСБ – отдела по борьбе с организованной преступностью... Но сам Карим, бывший чемпион России по вольной и классической борьбе, держится просто – играл с нами в нарды, поката на

стареньком тракторе и даже предлагал пострелять из... гранатомета! Конечно, в честь нас опять зарезали барашка, и устроили настоящий праздник – с песнями, танцами и вечным тостом: «Деркхам!» – самым емким словом в мире, обозначающим все-все-все наилучшие пожелания человеку. Разумеется, в этот день мы никуда не уехали и ночевали в гостинице у Карима, на белых простынях. А утром наш хозяин, узнав, что мы опаздываем, остановил два КамАЗа, и нас с велосипедами и рюкзаками подбросили на 90 километров, которые мы не проехали вчера... Расставаясь, Карим обнимал нас как родных детей, а его друг-армянин Алек приговаривал: «Ай, Костик-джан, Карим Салехович – золотой человек, большое сердце...»

Исламская культура окружала нас со всех сторон, а вот буддизма, ради которого я и отправился в Калмыкию, было ни видно, ни слышно. Правда, буддийские символы охотно использовали для рекламы – арки в китайском стиле, лотосы и изогнутые крыши украшали заправки, кафе, дома «новых калмыков». Но первый буддийский храм (хурул) на нашем пути оказался запущенным и полуразрушенным – обшарпанные стены, гнилые крыши, сломанные молитвенные барабаны, на покосившейся двери – ржавый замок... Причем этот храм вовсе не древний (таких в Калмыкии вообще не осталось), его построили в честь 50-летия Победы. Хурула в поселке Комсомольский мы бы вообще не заметили, если бы нас не сопровождали милиция и местные проводники – маленький одноэтажный домик, скромные ворота, сад. Правда, гелюнг (лама) оказался на месте. Худой молодой калмык, одев шафрановую мантию и желтую коническую шапку, пригласил нас зайти внутрь. В полутемном помещении пахло благовониями, слабый свет из-за занавешенных окон падал на статую Будды и изображения Белой Тары. А у стены стояли обшарпанные пластмассовые кресла, явно из старого сельского кинотеатра. Молодой лама (его звали Батман, что по-тибетски «Лотос»), сел на возвышение под портретом Далай-Ламы, мы разместились в шатких креслах напротив. Я попросил Батмана рассказать немного о истории буддизма в Калмыкии, и он начал так:

- Вы вещи с кем оставили? Милиция? – лама подошел к окну, осторожно выглянул, и немного успокоился, увидев две милейские машины рядом с нашими велосипедами. – Вот вам и история. Не любят нас здесь. Мы сейчас сидим, разговариваем, но в любой момент могут ворваться, разрушить все, избить...- мы удивленно переглянулись, а лама продолжал. – За пять лет, что существует этот хурул (даже не хурул, молельный дом), я уже восьмой гелюнг. Тяжело здесь, а у нас ведь никто не принуждает служить – не нравится, можешь уехать, никто слова не скажет. Поэтому и стоят хурулы пустые по всей Калмыкии...

Лама помолчал, снова выглянул в окно. Наши добровольные стражи были на месте, Батман несколько успокоился, голос его потеплел, и он продолжил рассказ:

- Верующих примерно 10 %, а может и меньше. Сейчас буддизм искусственно возрождают, но это все политика и реклама – сам народ не тянется, культура утрачена после депортации. Тогда ведь все храмы разрушили, ценности вывезли – в Москву, Петербург...

- А не пробовали писать, требовать, чтобы вернули? – спросил я с чисто западным желанием борьбы за справедливость. Лама улыбнулся и только с удивлением пожал плечами:

- Мы ничего никогда не просим, ведь у каждой вещи, как у человека, свой путь. И потом, зачем – ведь все равно не вернут... - Батман задумался, а потом сказал: - Впрочем, кое-что удалось сохранить. Когда гелюнгов изгоняли и разрушали храмы, самые ценные статуи и танка монахи предали простым людям – и те сохранили их в изгнании. Например, эта статуя Будды. Уникальная святыня, устроена, как это правильно сказать, по законам физики, что ли. Внутри пустая, идут слои металла и изолятора, в голове – электроды. Во время молитвы накапливает энергию, потом отдает – кому очистит карму, кому просто здоровье поправит...

Мои друзья слушали ламу с явным недоверием и скептицизмом, и Батман, заметив это, сказал:

- Ну, я в общем мало знаю еще, но мой учитель действительно делает удивительные вещи – например, может материализовать прямо на этом столе модель одного из миров, или общаться мысленно с другими Высшими Ламами...

Батман опять немного помолчал и добавил:

- Да, есть еще одна уникальная вещь – книга, написанная золотом.

Батман подошел к другому столу и достал небольшой продолговатый сверток. Аккуратно развернув нежную ткань, он показал нам черные листы, исписанные золотыми тибетскими буквами.

- Это очень старая книга. Раньше писать золотом было большой честью, ведь это очень сильно очищает карму. Монах, написавший много книг золотом, приближался к Просветлению, и уж точно зарабатывал себе хорошее перевоплощение в следующей жизни...

- А обычные книги? За них что-нибудь давали? – спросила Лида, восхищенно глядя на молодого ламу.

- Да не фига не давали! – засмеялся Батман, да и мы не могли удержаться смех – лама стал обычным парнем, нашим ровесником. И как бы в подтверждение этого Батман сказал:

- Да вы не думайте обо мне что-то особенное, я обычный человек, просто буддизм – это мой Путь, у вас – свой, но все мы люди...

Потом я спросил Батмана, как он решил стать ламой. Оказалось, что в Калмыкии до сих пор сильны родовые отношения и традиции, а из рода Батмана вышло немало гелюнгов. Ну и конечно, голос сердца – просто ради традиций не возложишь на себя 250 обетов...

Говорили еще долго, девочки спрашивали об основах буддизма, Денис – о том, как найти Учителя. Расставаясь, Батман проводил нас до двери, и мы, оборачиваясь, долго видели развевающуюся шафрановую мантию и внимательные черные глаза под желтой шапкой гелюнга... И опять, как в Бурятии, после разговора с ламой на душе стало спокойнее, теплее – часть истины Благословенного Учения мы увезли с собой. А Батман остался – как одинокий страж границы, добровольно решив нести свет Учения в этот Богом забытый пустынный поселок...

Следующий хурул на нашем пути, в поселке Яшкуль, поражал яркостью красок на фоне сараев и развалюх местных жителей. Как положено, мы прошли вокруг хурула по часовой стрелке, вращая молитвенные барабаны – почистили себе карму. Но сам хурул оказался закрыт – гелюнг уехал по делам. Удалось

поговорить только с его поварихой, полной пожилой калмычкой. Кстати, когда мы через три дня снова оказались в Яшкуле, ламы опять не было – наверное, как говорят на Востоке, это карма, или по-нашему «не судьба...»

После Яшкуля мы отправились в столицу Калмыкии – Элисту, где находится и главный храм страны, Хурул Геден Шеддуп Чой Корлинг. Элиста, которую по всей республике называют просто «Город», оказалась весьма интересным местом. Унылые серые постройки советского периода здесь сочетались с огромными буддийскими арками, под которыми звенели на ветру колокольчики, китайскими крышами и беседками. Поражало обилие на улицах каменных статуй, вырезанных в национальном стиле – плотные, массивные, они напоминали древних степных богов. В центральном парке находится единственная в Европе статуя Будды – Учитель сидит в позе лотоса, на плечах золотая мантия, а над ним – великолепная резная беседка, украшенная драконами и цветами. Целый квартал Элисты занимает Шахматный городок, суперсовременные здания из стекла и бетона (правда, мы только в Калмыкии узнали, что Элиста – Столица Шахмат).

Однако в городе мы задержались не надолго – главной целью нашего визита в столицу был все же центральный хурул. Главный храм Калмыкии расположен в удивительно красивом месте, на высоком холме. Храм необычный, состоит из трех этажей, вокруг – молитвенные барабаны, ступы. И, что удивительно, никого – тишина, только ветер трогает верхушки ковыля, да в небе звенят жаворонки. Я поднялся по ступеням и зашел в полумрак храма. Напротив входа возвышалась огромная статуя Будды, перед ним – портрет Далай-Ламы. Со стен смотрели разноцветные боги и демоны, с потолка свисали колонны из пестрых тканей, в центре на низком столе лежали стопки длинных книг, а рядом – подушки для монахов. Только обернувшись, я заметил, что южная стена хурула вся в лесах, и два монаха в наушниках аккуратно вырисовывают демона Мару, вращающего колесо сансары. Молодые ламы работали столь увлеченно, что не заметили меня. Я стоял и не знал, как к ним обратиться, но в этот момент в храм зашел крепкий пожилой монах. Я поздоровался, но монах только весело улыбнулся, и показал пальцем на ребят-художников, произнеся что-то на незнакомом языке. Один из художников спустился и спросил, что меня интересует. Я искренне восхитился его работой и спросил, показав на плеер:

- Наверное, ты слушаешь тибетские мантры, когда работаешь? – это, конечно, была полная глупость, и лама засмеялся в ответ:

- Нет, конечно! Что попадется, то и слушаем. Хорошая музыка разная бывает.

Мы улыбнулись друг другу, пробежала искорка доверия, я рассказал ему о нашем путешествии, а он о храме, о том, как пять лет они расписывают его – на третьем этаже работают художники, которые переносят изображения со священных книг на кальку, и только потом он с напарником с кальки – на стену храма. Изображения строго канонизированы, ничего своего – все как тысячи лет назад, в Индии и Тибете... Потом он познакомил меня с крепким монахом – тот оказался учителем из Тибета, который привез мандалу. Тибетец всем улыбался, с удовольствием фотографировался, показывая ровные белые зубы, и ни слова не понимал по-русски. Он пригласил меня с Денисом совершить традиционный обход храма с вращением барабанов. В качестве переводчика к нам присоединился старый толстый лама, немногословный, все время кутающийся в

шафрановую мантию, будто от холода. Мы пошли. Я спрашивал толстого ламу о буддизме, Калмыкии, Далай-Ламе и его приезде сюда. Старый монах долго молчал, погружаясь в себя, а потом отвечал, говоря будто не со мной:

- Далай-Лама приезжал, два раза приезжал. Во-он там сидел, говорил слова Учения... Сказал, чтобы здесь этот храм построили...

Лама замолчал, мы скрипели молитвенными барабанами – с каждым оборотом написанная золотыми тибетскими буквами молитва улетала в эфир.

- Лама Антилопа много сделал для Калмыкии. И сейчас очень помогает. Много приезжает лам – из Бурятии, Монголии, Тибета. Наши там учатся...

Лама снова замолк, а потом неожиданно спросил:

- Вчера под дождь попали? Тяжело наверно по трассе было ехать в такую погоду... Да-а... Это мы мандалу растворяли, в озере у Тавн-Гашуна. Когда растворяешь, всегда дождь идет...

Я вспомнил этот ужасный день – в пустыне разразилась настоящая гроза, все небо было заложено отвратительными серыми тучами, из которых моросил липкий холодный дождь. Мы продрогли, вымокли до нитки, дороги превратились в грязное месиво, а пустыня походила на тундру. Явление было настолько необычным для этой высохшей страны, что представители всех религий заявили о своей причастности. Православные связали дождь с Пасхой, мусульмане – с каким-то днем лунного календаря, а теперь вот буддист толкует мне что-то о мандале... Но все же это было интереснее, чем унылые метеосводки об «атлантическом циклоне, занявшем южную часть Восточно-Европейской равнины...» и я спросил старого ламу:

- Простите, а что такое мандала?

Он задумался, повернул молитвенный барабан и поведал удивительную историю об озере, затерянном в пустыне. Раньше озеро почиталось священным, звери и птицы без боязни приходили на водопой, ибо в глубинах жили Наги – водяные духи, змееподобные существа, способные превращаться в людей, покровители буддизма. Говорят, сам принц Шакьямуни превращался в нага до того, как стать Буддой... А потом – потом жестокие войны, злые люди, браконьеры, убивающие беззащитных животных, осквернили озеро, и наги ушли. Прошло немало лет, прежде чем монахи очистили озеро от зла и подготовили его к возвращению наг. И вот этот день настал – 27 лам из разных стран, собравшись, растворили мандалу – священное изображение, насыпанное цветным песком, специально привезенным из Тибета. В момент растворения, под пение мантр, в центр круга мандалы спустились водяные наги. В пустыне пошел дождь, дикие сайгаки подходили к рукам, степные орлы кружились над самой водой, не боясь людей... На берегу воздвигли белую ступу – символ святости этого места.

- Это очень важное дело, - сказал лама.- Святое место удержит человека от совершения злых поступков. Кто-то просто увидит ступу в степи, задумается о чем-то...

Здесь старый лама сам задумался и совершенно погрузился в себя. Я, совершенно потрясенный, отправился к своим друзьям. Однако они отнеслись довольно скептически к моему рассказу – ну, красивая восточная сказка, только не говори нам, Костик, что ты во все эти бредни поверил... Но в этот момент к нам подошел тот самый старый лама. Он впервые улыбнулся, и тихо произнес:

«Я вижу, вы пришли с чистыми помыслами. У меня осталась часть той тибетской мандалы. Возьмите.»

С этими словами лама протянул мне маленький пакетик с цветным песком.

«Если вы будете проезжать то озеро, растворите мандалу... Это очень хорошо. Ваша карма станет чище, и мир лучше...»

Я, не веря во все происходящее, спросил, как это сделать – какие молитвы читать, и прочее, но лама только улыбнулся и сказал:

«Просто подумайте о чем-то хорошем. О своей мечте, например. Или о всех живых существах, которые нуждаются в помощи...»

Старый лама снова укутался в мантию, улыбнулся и пригласил нас в дом, где жили монахи – попить калмыцкого чаю на дорожку. Чай нам наливал молодой улыбчивый лама. Вначале мне показалось, что он при храме вроде послушника, но потом выяснилось, что лама только что вернулся из Индии и Тибета, где учился в высших буддийских школах. Но рассказывал он мало, в основном бегал и подавал нам то сладости, то хлеб, то чай. Кстати, о чае. Калмыцкий чай представляет из себя смесь чая с молоком, он соленый, и сверху плавают, растворяясь от тепла, кусочки масла. Скажу честно, не все из нас полюбили калмыцкий национальный напиток. Однако в условиях холодной пустыни он лучше всего утоляет жажду, одновременно согревая и к тому же являясь довольно питательным. На прощание ламы подарили нам огромный мешок сладостей, в том числе пасхальный кулич: «Вы же православные. Это большой праздник, возьмите...»

У меня в голове смешались все религии и учения – еще бы, не каждый день буддийские монахи дарят на Пасху куличи... И тогда же я окончательно решил – мы свернем с трассы и будем искать священное озеро в пустыне. Мою команду идея о растворении «дурацкого» порошка в каком-то затерянном в песках озере совершенно не вдохновила. Пришлось убеждать ребят в том, что ехать по бездорожью гораздо интереснее, «мы же спортсмены, нам нужна настоящая тренировка», и так далее... В общем, с трассы мы все-таки свернули, и на второй день пути по пустыне увидели вдали белую ступу. И тут начали происходить странные вещи – небо над озером неожиданно потемнело, задул страшный ветер, поднимающий тучи пыли. Мы с трудом крутили педали, подъезжая к озеру по узкой тропинке. Ветер не прекращался, вода стала черно-зеленой, на берег с шумом катились волны с белыми «барашками», как на море. Помня наставления старого ламы, я попросил друзей думать о чем-нибудь светлом и хорошем. Те саркастически хмыкнули, но согласились – на холме над нами ветер трепал разноцветные молитвенные флажки, а из неглубокой ниши ступы таинственно улыбался маленький золотой Будда. Я разулся и зашел в холодную воду. Высыпав в ладонь священный песок мандалы, я собрал все свои желания, но понял, что в голове вертится лишь одно, что ничего не могу пожелать для себя, а только – «счастье и благо всем живым существам...» И я растворил мандалу, вращая воду по часовой стрелке и зачем-то шепча тибетскую мантру «Ом мани падме хум!» В тот же миг ветер прекратился, тучи над головой разошлись, из окошка синего неба на гладь озера упали солнечные лучи. И, покачивая кончиками крыльев, над головой закружились два степных орла... А на душе стало чисто и легко, хотелось просто улыбаться, вдыхать пьянящий аромат цветущей пустыни и до головокружения смотреть в небесную синеву...

А потом была дорога, петляющая среди зеленых волн ковыля и полыни, и казалось, что мы на море, и не было ничего, кроме огромного неба и этих перекатывающихся ароматных волн, обдающих теплом и зовущих вдаль, в

таинственную древнюю степь... Парами зависали в небе и звенели жаворонки, на берегу соленого озера танцевали, взмахивая крыльями, два серых журавля, сайгаки перебежали дорогу, заигрывая друг с другом – весна обрушилась на пустыню, дав всему живому лишь две недели на то, чтобы встретиться, полюбить, оставить потомство и подготовиться к страшному, убивающему летнему зною. Я немного по-другому взглянул на своих спутниц, кровь быстрее заструилась по жилам, мышцы налились силой. По-звериному, широко раздувая ноздри, я вдыхал терпкие запахи пустыни и растворялся в ней, опьяненный диким величием и красотой...

Мы уже несколько часов пробирались по заросшей дороге в заповеднике «Черные Земли», горячий ветер дул прямо в лицо, иссушая тела и заставляя на каждом привале жадно глотать теплую солоноватую воду. Двигались очень медленно, и это не смотря на то, что наши друзья, инспектора заповедника, забрали у девушек тяжелые рюкзаки и на машине подбросили их до кордона Ацан-Худук, куда мы планировали добраться к вечеру. С начальником охраны заповедника, Арсланом, крепким калмыком огромного роста (ну просто батыр Чингисхана), мы случайно встретились на пути к заповеднику. В начале Арслан не хотел нас пускать, и даже проверил документы, но потом, выслушав историю о нашем путешествии и мою тираду об экологически безопасном транспорте, несколько смягчился – не только выдал нам пропуск в заповедник, но и подвез вещи на машине, дал бинокль для разглядывания сайгаков и пригласил переночевать на кордоне.

До Ацан-Худука добрались только к вечеру, совершенно выбившись из сил. Встречали нас инспектора заповедника – загорелые, выдубленные лица, мускулистые руки, тельняшки под темно-зеленой формой. Калмыки, кавказцы, русские, все с высшим образованием, оставившие уютные дома ради жизни в пустыне, ради спасения этого уголка нетронутой человеком природы. Встречали нас как родных, напоили чаем, принесли хлеба с салом, каши, и все извинялись за неудобство, за тесноту и «убогость» своего жилища. Сытые и уставшие, мы уже клевали носами, когда вдруг за окном послышался гул двигателя. Лица наших друзей мгновенно стали каменными, они, чертыхаясь, вскочили, на ходу застегивая куртки и хватая винтовки. Я же схватил фотоаппарат и бросился за ними. На фоне огромного кровавого солнца, падающего за горизонт, с ревом двигался грузовик, спокойно и уверенно, как по федеральной трассе. Даже у бывалых инспекторов рты открылись от изумления: «Че это, геологи, совсем ох...ли, че ли? Среди бела дня прям по заповеднику чешут!»

Но когда машина, огромный закамуфлированный ЗИЛ с запасным колесом на крыше, подъехал ближе, Арслан с облегчением сплюнул и спокойно стал разряжать свой карабин. На борту грузовика белела надпись: **Экспедиция журнала «В мире животных».**

Экспедицию из Брянска ждали в другой день, поэтому, когда из машины, пошатываясь, вылезли циничный, выдавший виды зоолог, долговязый замкнутый фотограф и лопухий взъерошенный лаборант-студент, им сначала пришлось объяснить, как они незамеченными заехали в центр заповедника. А потом мы сидели за длинным столом, разливали крепкую настойку («Мы ей это, тогось, зубров у себя в заповеднике усыпляем!» – хитро подмигивал зоолог), закусывали салом и хлебом и вели неторопливую беседу. Ребята из Брянска приехали снимать окот сайгаков – зрелище уникальное, особенно если учесть, что животных этих осталось очень мало и они крайне осторожны. Инспектора

подтвердили, что окот должен вот-вот начаться, но задерживается – вероятно, из-за дождей. Арслан вспомнил о браконьерах и помрачнел: «Да ладно, их что, трогает, что самки беременные? Каждую ночь новые следы мотоциклов находим. А вчера вот и голову нашли...» Инспектор посмотрел на испуганное Лидино лицо и пояснил: «Ну, в смысле, сайгака одного мертвого...» Потом Арслан рассказал, как местные жители охотятся на сайгаков. На двух-трех мотоциклах отбивают животное от стада и гоняют по пустыне, пока сайгак не упадет от усталости. А потом подходят и спокойно перерезают горло. А чтобы проще было ездить по пустыне, поджигают сухую траву – и в пламени погибают змеи, ящерицы, насекомые, птичьи яйца...

Пока Арслан говорил, я вспомнил, что в это время в Элисте проходит Международная конференция по проблеме сохранения популяции сайгаков. Чистые люди в белых накрахмаленных рубашках, наверное, говорят сейчас в микрофоны очень правильные вещи, принимают мудрые законы и делают для спасения сайгаков несоизмеримо больше, чем инспектора небольшого заповедника. Но для меня центр борьбы почему-то переместился сюда, в прокуренную кошару, а главными героями стали эти молчаливые суровые парни в пыльной зеленой форме.

На рассвете мы покинули гостеприимный кордон и, преодолев последние 30 километров пустыни, оказались на трассе Элиста-Астрахань. До первого русского города оставалось 145 километров и полтора дня пути. Решили развить крейсерскую скорость, но не тут-то было! Путешествие по пустыне не прошло даром для наших велосипедов – верблюжьи колючки проткнули покрышки и незаметно стали рвать камеры. Колеса сдувались одно за другим, запасные камеры кончились, а солнце неумолимо клонилось к закату. А тут еще, как назло, на мотоцикле подъехали трое пьяных местных ребят, мечтающих сфотографироваться с нашими девушками.

«Нет, - говорю, - так просто неинтересно фотографироваться. Вот если бы вы нашли что-нибудь интересное...»

И он, увы, нашли: «Слушай, давай мы тебе верблюда пригоним из пустыни? А ты нас с москвичками сфоткаешь? Идет?»

Идет... Я согласился, но почему-то в голову пришла мысль о том, что я променял трех красавиц на облезлого верблюда. Эх, Азия, Азия... Мы свернули с трассы и заехали на ферму, где жили ребята. Старший, Саид, намотал на руку лассо и умчался в пески. Нурлан и Ашхад, присев на корточки, ждали своего предводителя. Наконец, вдали показались четыре черные точки – Саид мчался, поднимая пыль, и гнал перед собой трех верблюдов.

«Е...ные твари, совсем одичали! – Саид зло выругался и показал на мотоцикл. – Чуть не разбился, пока ловил!»

Я подумал, что в таком состоянии разбиться можно и без верблюдов, даже на ровной дороге, но вслух сказал: «Спасибо, Саид! А теперь покажи, как ездят на верблюдах!» Саид, вероятно, ездить уже ни на чем не мог, и мне помог Сергей – хозяин фермы. Огромное животное легло на колени, я сел между горбами, запустив руки в жесткую, густую шерсть. А потом верблюд встал, и пошел мягкой ритмичной походкой. Сидеть было высоко и удобно, ритм убаюкивал – ну просто сказки «Тысяча и одна ночь». Когда все накатались на верблюде, пришел мой черед расплачиваться. Выехали на трассу, я сделал несколько обещанных снимков, но ребята не отставали, и все уговаривали девушек выпить с ними водки. Наконец, одной из моих красавиц пришла в голову замечательная идея:

«А я не хочу водки! Я хочу сок! Привезите, тогда и выпью с вами!» – Шахерезада кокетливо улыбнулась, а ошалевшие пьяные джигиты запрыгнули на мотоцикл и умчались в ночь. Только мы их и видели... Да, мальчики, это вам не в Москве в супермаркет круглосуточный заскочить – попробуй, найти ночью в пустыне пакет сока... Я вздохнул о жестокости женских сердец и молил Аллаха, чтобы хлопцы не убились на своем «пылесосе».

Аллах мои молитвы услышал, но поступил по воле Своей. Утром мы увидели на трассе две ободранные жалкие фигурки – Саид и Нурлан с мрачным видом брели по обочине. Я окликнул вчерашних знакомых, спросил, что случилось. Те только вяло кивнули и спросили: «Слушай, мотоцикла нашего не видал, а? Вчера где-то улетели, а где – не помню...» – Нурлан вздохнул, и они с Саидом уныло побрели навстречу восходящему солнцу.

А мы понеслись в Астрахань, последний пункт нашего долгого путешествия, навстречу новым встречам и приключениям. Позади остались 700 километров пустынных дорог, люди, теперь близкие и родные, и странная тоска в сердце – тоска по тающим миражам волшебной страны Хальмг-Тангч...

*Поезд № 5 «Астрахань- Москва»
11.05.2002 г.*